

УДК 821.161.1-31(Погорельский А.)

Жижко П.К. (Екатеринбург, УрГПУ)

Языковые репрезентанты нереального в обряде колдовства

Аннотация. В статье рассмотрен обряд колдовства, который представлен в повести Антония Погорельского «Лафертовская маковница». Она является наиболее яркой в ряду фантастических повестей русской литературы рубежа XVIII-XIX веков. Элементы нереального проанализированы в этнолингвистической текстовой триаде «семантика – синтактика – прагматика». Данная модель анализа предполагает комплексную интерпретацию символически насыщенных элементов текста, которые создают образ нереального.

Ключевые слова: нереальный мир, колдовство, этнолингвистика, языковые репрезентации, художественные тексты, русская литература, русские писатели.

Сведения об авторах: Жижко Полина Константиновна, студент 3 курса Уральского государственного университета (Екатеринбург).

Контакты: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26, zhizhkoo@mail.ru.

Zhizhko P.K. (Yekaterinburg, USPU)

Language representatives of the unreal in the rite of witchcraft

Abstract. The article considers the ritual of witchcraft, which is represented in the story of Antony Pogorelsky “Lefortovskaya makovica”. It is the most striking in a number of fantastic stories of Russian literature of the turn of the 18th – 19th centuries. The elements of the unreal are analyzed in the ethno-linguistic text triad “semantics – syntactics – pragmatics”. This model of analysis involves a complex interpretation of symbolically rich elements of the text that create an image of the unreal.

Keywords: unreal world, witchcraft, ethnolinguistics, language representations, artistic texts, Russian literature, Russian writers.

About the author: Polina K. Zhizko, 3rd year student of the Ural State University (Yekaterinburg).

Современные этнолингвистические исследования обращены к выявлению стереотипов национального сознания, представленных в разных кодах культуры: фольклоре, ритуалах и обрядах, верованиях и т.п. Одной из доминант таких исследований является тематика нереального, мистического.

Для того чтобы понять, какими чертами обладает понятие «нереальный мир», проанализируем его в сопоставлении с понятием «реальный мир», поскольку именно в этом устойчивом противопоставлении они представлены в сознании носителей языка.

Реальный 1. Действительно существующий, *невоображаемый*. Реальная действительность. 2. Осуществимый, *отвечающий действительности*. 3. Практический, исходящий из понимания подлинных условий действительности [Ожегов, 1988, с. 584].

Из этой дефиниции выделяются семантические компоненты понятия «реальный»: «невоображаемый», «отвечающий действительности».

Нереальный 1. Не существующий в действительности, *воображаемый*. Н. мир. (фантастический). 2. *Несоответствующий реальному положению*, невыполнимый [Ожегов, 1988, с. 352].

Методом ступенчатой идентификации определим характерные признаки для нереального мира, для этого рассмотрим в словаре Ожегова синонимы нереального, через которые толкуется исходное понятие (т.е. те элементы словарных дефиниций, которые выступают семантическими идентификаторами толкуемого понятия).

Причудливый. Вычурный, *замысловатый* [Ожегов, 1988, с. 522].

Удивительный. Вызывающий удивление, *необычайный* [Ожегов, 1988, с. 731].

Волшебный *Действующий волшебством*, обладающий чудодейственной силой [Ожегов, 1988, с. 82].

Таким образом, анализ словарных дефиниций позволяет выделить основные черты «нереального»: установка на несоответствие реальности, похожесть на фантазийность, выдумку, с волшебными чертами.

Эти параметры нереального находят свое воплощение и в литературе, в первую очередь, в текстах художественной фантастики, к которым в полной мере можно отнести повесть Антония Погорельского «Лафертовская маковница». Она является наиболее яркой в ряду фантастических повестей русской литературы рубежа XVIII-XIX веков, представляя собой симбиоз авторской индивидуальности А. Погорельского в осмыслении нереального, мистического и славянских фольклорных традиций. Ср. эпизод, где происходит обряд колдовства, который наполнен образами, моделирующими в сознании читателя сакральные смыслы. Обряд происходит, когда Маша, главная героиня повести, приходит к своей бабушке в полном одиночестве после полуночи: *«был в исходе двенадцатый час», «вдали на колокольне Никиты-мученика ударило двенадцать часов», «внутри домика кот громко промяукал двенадцать раз»*. В словаре «Славянские древности» (далее – СД) отмечено, что полночь «осмысляется как опасное для человека, «нечистое» время суток; период наибольшей активности потусторонних сил и мифологических персонажей» [СД, 2009, т. 4, с. 142]. Также подчеркнем, что обряд происходит, когда *«мрачная тишина царствовала всюду»*. Отсутствие звука, молчание, тишина – знаки нереального, традиционно рассматриваемые как зловещие, связанные с потусторонним миром. Сам обряд начинается с приготовления места: *«старуха подвинула стол на середину комнаты <...> вынула большую темно-алую свечку, зажгла ее прикрепил к столу, а лампаду потушила»*. Стол является важным сакральным местом, где совершаются основные домашние об-

ряды [СД 2012, т. 5, с. 165]. Не случайно старуха зажгла свечу, ведь свеча является «атрибутом семейных, календарных и окказиональных обрядов, праздников, религиозных практик, жертвоприношений, повседневных и магических действий» [СД 2009, т. 4, с. 567]. Лампада – неотъемлемый атрибут при богослужении, при молитвах Богу, неспроста старуха потушила ее. Так она как бы «убрала» божественную защиту, чтобы она не помешала обряду.

Вся комната наполнилась «*длинными нитками кровавого цвета*», в сознании читателя красный цвет связан с образом крови, здесь же его семантика подчеркивается употреблением точного оттенка красного «*кровавый*», т. е. полностью актуализируя данную семантику. Эти нитки, «*которые тянулись по воздуху в разных направлениях – то свертывались в клуб, то опять развивались, как змей*». Сравнение вызывает настроенное чувство опасности. «Нечистая, дьявольская природа змеи в известной мере обусловлена библейско-христианским взглядом на змею как воплощение сатаны. В различных славянских традициях змей нередко отождествляется с дьяволом» [СД, 1999, т. 2, с. 334].

В обряде участвуют трое: старуха, Маша и кот, который «*плавно выступал перед нею с сверкающими глазами и поднятým вверх хвостом*». Кот – животное, «наделяемое в народных представлениях двойственной символикой и различными демоническими функциями» [СД, 1999, т. 2, с. 637]. «Чаще всего нечистая сила предстает в облике черной кошки» [СД, 1999, т. 2, с. 638].

Синтактика подразумевает анализ влияния текста на адресата, как он воздействует на читателя. Обряд сопровождается магическими действиями с использованием сакрально значимых артефактов, семантика которых была рассмотрена выше.

«*Старуха начала ходить кругом стола и протяжным напевом произносила непонятные слова*», т. е. можно предположить, что слова были незнакомы Маше не потому что она

была безграмотна, а потому, что это было заклинание, с таинственным языком которых Маша до этого не сталкивалась. *«Трижды три раза старуха обошла вокруг стола, продолжая таинственный напев свой, сопровождаемый мурлыканьем кота»*, т. е. сочетаются знаки разной природы: вербальные (таинственный напев), мурлыканье кота и невербальные («начала ходить кругом стола»). *«Вдруг она остановилась и замолчала»*, хотя обряд еще не был окончен, возможно, закончилась лишь первая часть обряда. Дальнейшее действие остается загадкой, но обряд явно был закончен успешно: *«я и без тебя кончила дело»*.

Итак, здесь наблюдается взаимосвязь знаков разных кодов: как вербальных, так и невербальных, которые были рассмотрены выше при совершении обряда.

Как известно, сакральные тексты имеют особую прагматику. Ср., например, выделенные Н.И. Коноваловой прагматические установки сакральных текстов традиционной народной культуры [Коновалова, 2007, с. 93-98]:

1. «Достижение желаемого результата».
2. «Предписание исполнения установленного традицией хода вещей».
3. «Предсказание, предугадание, прогноз».
4. «Защита от возможных бед, подстерегающих человека, от неприятностей и воздействия разного рода сил, в том числе сверхъестественных».
5. «Исправление ненормального, неправильного хода событий».
6. «Предостережение, устрашение, угрозы».

В данном фрагменте повести выделяется прагматическая установка достижения желаемого результата, что подчеркивается и завершением обряда, и тем, что старуха, найдя преемницу и наследницу своего клада, далее умирает со спокойной душой.

Также можно предугадать, какого жениха бабушка наколдовала Маше: *«Но, бросив нечаянно взгляд на черного кота,*

она увидела, что на нем зеленый мундирный сюртук; а на месте прежней котовой круглой головки показалось ей человеческое лицо». Так срабатывает прагматическая установка предсказания нагаданного Маше жениха, что окажется правдой далее, в финале текста.

Таким образом, можно сделать вывод, что А. Погорельский в повести «Лафертовская маковница», и во фрагменте описания обряда в частности, использует много элементов нереального с сакральным смыслом и мистическими коннотациями. Обряд колдовства представляет собой сложную взаимосвязь семантически наполненных образов, действия знаков разной природы и выполнения прагматических установок, которые воздействуют на читателя во всей своей полноте.

Литература

Агапкина Т. А. Полночь. Стол. Свеча. Змей. Кот // Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1999-2012. – С. 142, 165, 567, 334, 637, 638.

Коновалова Н. И. Литературные мистификации Антония Погорельского: фольклорные традиции и творческая индивидуальность / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2014.

Коновалова Н. И. Рациональное и эмоциональное в семантике демонологемы // В созвездии слов и имен: сборник научных статей к юбилею Марии Эдуардовны Рут. – Екатеринбург, 2017. – С. 401-413.

Коновалова Н. И. Сакральный текст как лингвокультурный феномен / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2007. – 278 с.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1988. – 654 с.

Словарь иностранных слов. – М.: Прогресс, 1989. – 765 с.